

Сентября 4 (17)

Священномученик Иоанн Василевский

Священномученик Иоанн родился 18 марта 1869 года в Краснохолмской слободе Весьегонского уезда Тверской губернии в семье псаломщика Николая Василевского. По окончании Тверской Духовной семинарии был рукоположен в сан священника и служил в соборе города Весьегонска.

После прихода к власти безбожников о. Иоанн в 1922 году был арестован, обвинен в сопротивлении изъятию церковных ценностей и приговорен к одному году заключения. Священник подал на кассацию, которая была удовлетворена; он был освобожден и вернулся в собор в Весьегонске, там он служил до февраля 1924 года, затем перешел в храм села Селихова, где прослужил до октября 1926 года и был назначен в Воскресенскую церковь поселка Селижарово.

В Воскресенском храме служило тогда три священника, но, пожалуй, самым деятельным из них был о. Иоанн. Это и явилось причиной преследований. 15 июля 1927 года он был арестован и заключен в Осташковскую тюрьму. Следователь на допросе спросил, говорил ли священник об атеистическом воспитании детей, кого он поминал за богослужениями в качестве правящего епископа и ходил ли с молебнами по приходу. Священник ответил:

– Я действительно говорил на тему христианского воспитания детей своими родителями, но что касается недопущения детей в общественные организации, например, пионеров и комсомола, мною это не говорилось, как не говорилось и об отдельных представителях советской власти. Могу сказать, что в произносимых мною проповедях я политики не касался и говорил то, что разрешено конституцией. 21 ноября 1926 года я ходил по приходу по случаю праздника Михайлова дня, причем я из Селижарова ушел без иконы, но один из граждан деревни Никвы привез икону Архистратига Михаила (откуда привез, не знаю), и я служил с этой иконой в нескольких домах, но когда мне псаломщик сказал, что с иконой нельзя ходить, так как есть запрещение местной власти, я тогда дальше в деревню Лупаны пошел без иконы. Что касается правящего архиерея, то я, как и двое других священников в храме, поминаю митрополита Серафима (Александрова), хотя тот и был привлечен в тот момент к ответственности.

Чтобы собрать обвинительный материал, следователь стал вызывать свидетелей, которые, впрочем, почти все были немногословны. Диакон Воскресенской церкви Михаил Штерин, отвечая на вопросы, сказал:

– С Василевским в разговоре не сталкивался, суждений о войне, партии и власти не помню. Василевский, будучи на Пасху в деревне Захарово, спросил окружающих его детей: «Есть ли у вас кресты?» И добавил: «Если нет, то скажите родителям, чтобы они вам купили кресты».

Священник Николай Рождественский дал такие показания:

– Василевский при мне только один раз коснулся общественных организаций в проповеди во время храмового праздника в декабре месяце 1926 года в присутствии 200-300 человек, где он сказал: «Воспитание детей зависит от родителей, от последних зависит, чтобы дети не стали безбожниками, не стали пионерами и комсомольцами». Как-то лично мне Василевский говорил: «Я, ходя

по приходу, проверял, есть ли кресты у молодежи, я требовал, чтобы все надели кресты». Это он делает в деревнях своего прихода.

Протоиерей Петр Зверев, которому было шестьдесят девять лет, сказал:

– Василевский в своей проповеди 19 декабря 1926 года в Воскресенском храме в поселке Селижарово говорил, предостерегая родителей: «Не пускайте детей в школы, где с них снимают кресты». В данной проповеди Василевский коснулся пионерства и комсомола и дал совет родителям не пускать детей в эти учреждения, но за слабостью памяти точную фразировку проповеди не помню. Мне Василевский говорил, что в Михайлов день разрешения на хождение с иконой по приходу не было, но он ходил.

Опросив духовенство, следовательно стал вызывать на допросы мирян, начав с председателя церковного совета Ивана Анишина, который показал:

– Об отношении Василевского к власти и партии ничего не знаю и в его проповедях агитации против власти и партии не слышал; по моему мнению, Василевский к партии и власти относится хорошо, также и в частных разговорах я агитации не замечал.

Житель Селижарова Иван Травкин сказал:

– Василевского знаю как своего священника, но в разговорах с ним на политические темы не сталкивался, его мнения о власти и партии не знаю, его проповедей, направленных против власти, не слышал, потому что в церкви бываю редко.

11 августа следовательно предъявил священнику обвинение, в котором было сказано, что он «изобличается в том, что, будучи враждебно настроен к советской власти, распространял среди несознательных слоев населения контрреволюционные и провокационные слухи. В церкви с амвона произносил контрреволюционные проповеди, предлагал своим прихожанам не пускать детей в школы, так как в таковых в настоящее время ничего хорошего не преподают. Закон Божий не преподают... своими действиями создавал среди населения панику и возбуждал недоверие к советской власти».

Но и самим следователям доказательность обвинения показалась, по-видимому, не вполне достаточной, и они снова приступили к допросам свидетелей, вызвав на этот раз инструктора уездного исполкома, члена коммунистической партии Василия Шустрова, который показал:

– Приблизительно в ноябре месяце 1926 года я был в отпуске и проводил таковой у своего тестя гражданина Мосягина Георгия Тихоновича в деревне Селижаровской волости, где мне местные крестьяне говорили, что в Селижарово приехал какой-то новый поп, который, проходя по приходу, и в частности в деревне Мосягино, носил с собой маленькие крестики на лентах, и в домах после служения молебнов этот поп проверял, у всех ли детей имеются кресты, и если креста не оказывалось, то он без разговоров надевал крест, говоря, что кто не носит крестов, тот будет наказан Богом, при этом он не спрашивал согласия родителей, и имелись случаи, когда дети крестьян убегали от этого священника, когда он насильно хотел надевать на них кресты. Такое принудительное надевание крестов носило массовый характер, и, конечно, за каждый крест он получал с крестьян деньги. Впоследствии, как я выяснил, это был священник Селижаровской церкви Иван Василевский. По данному делу может дать показания гражданин деревни Мосягино Алексей Павлов.

Вызвали Павлова, он об о. Иоанне сказал:

– В Пасху, в 1927 году, детям и молодежи говорил: «Я сам сидел три года, крест носить надо» – и при этом предлагал крест, давая его каждому, кто хотел, бесплатно. Его политических выпадов против власти не слышал.

Снова стали вызывать священников. Священник Петр Зверев сказал:

– В праздник 19 декабря 1926 года в Воскресенском храме поселка Селижарова при стечении народа священник Василевский в своей проповеди говорил, обращаясь к родителям: «Не пускайте своих детей в школы, там с них снимают кресты», и намекал на то, что там учат не тому, чему нужно, но иное в его проповеди проскальзывало очень осторожно, далее он, Василевский, касаясь комсомола и пионеров, говорил: «Не пускайте детей в эти учреждения» – и намекал, что в этих организациях детей развращают; в своих разговорах Василевский не только давал совет родителям, но и запугивал их тем, что за допущение детей в пионеры и комсомол они понесут кару перед Богом.

Следователь вызвал для повторного допроса и псаломщика Александра Анишина. Мы уже не узнаем, как в действительности рассказывали эти люди об о. Иоанне, вероятно, не так грубо, как получилось в записи следователя, который по-своему, в силу своей заинтересованности, изложил их показания, отображавшие его попечение о пастве, и особенно о тех семьях, где было много детей, подвергавшихся насилию безбожного образования. Но свидетели согласились с такой записью следователя, поставив под ней свою подпись.

Псаломщик показал:

– Я был с Василевским в Пасху 1927 года в деревне Лупаны у гражданина Шустрова. Василевский, увидя в доме на одной стене иконы, а на другой портреты Ленина и других вождей революции, обратившись к Шустрову, сказал: «Что это за безобразие, порочите Бога. К Троице я приду, уберите эту нечисть». Это было сказано в присутствии нескольких человек, которые возмутились предложением Василевского и посоветовали подать Шустрову заявление на Василевского соответствующим властям. Василевский, будучи в деревнях, в каждый свой приход смотрел, есть ли у детей кресты, и если не находил крестов, то заставлял их надевать, причем часто высказывал мысль родителям о том, что, не надевая знамение Божие на ребенка, они его пускают в разврат, за это они ответят перед судом Божиим.

24 августа, прежде чем вынести окончательное решение по делу арестованного священника, его допросил уполномоченный тверского секретного отдела ОГПУ, пытаюсь все же выяснить, что тот говорил в проповедях на службах. Отец Иоанн ответил:

– 19 декабря 1926 года после церковной службы – литургии, по заведенной традиции, я говорил проповедь на тему «Повинуйтесь наставникам вашим, которые бдят о душах». В проповеди указывал на святителя Николая чудотворца как на ревнителя благочестия и укрепителя православия, обличителя нечестия Ария. Просил верующих быть верными православию и преданными Церкви, детей своих воспитывать в духе веры и православия. Отрицательное же отношение к вере и Церкви приведет детей к пионерству и комсомольству. На Пасху 1927 года с молебнами я был не только в деревне Лупаны, но и еще в пятнадцати деревнях. Был ли разговор во время этого хождения о портретах вождей, висящих на стенах в доме некоторых прихожан, и, в частности, в доме Шустрова, я не помню.

Это было за год до наступления массовых гонений на Православную Церковь, и следствие постановило, что, поскольку виновность священника не доказана, дело следует прекратить, а священника освободить из тюрьмы.

Отец Иоанн вернулся к служению в храме. В 1930-х годах он служил в Бежецке в Благовещенской церкви, православную общину которой составляли монахины бывшего здесь еще недавно монастыря. Здесь он встретил 1937 год, который мало кому из духовенства удалось пережить. Отец Иоанн был арестован в ночь с 14 на 15 августа, в тот же день допрошен и заключен в Бежецкую тюрьму. Отец Иоанн на допросах держался с достоинством и спокойствием, не соглашаясь с тем, как следователь хотел интерпретировать те или иные события. Следователь спросил:

– Расскажите следствию, что вам известно о проводимых епископом Григорием Козыревым собраниях и вечеринках духовенства, где и по какому поводу они имели место, кто на них присутствовал.

– Собрания духовенства созывались епископом Григорием, и впоследствии это было заведено как правило по случаю именин епископа, десятилетия его епископства и престольных праздников. Собрания имели место на квартире у епископа и в церковной сторожке.

– Следствию известно, что на указанных выше собраниях произносились антисоветские речи. Расскажите, кто и как выступал на этих собраниях.

– Никаких антисоветских выступлений и бесед на указанных выше собраниях не было. На собраниях произносились приветствия по адресу епископа.

– Как вы лично реагировали на закрытие советскими властями в Бежецке церковью и снятие колоколов?

– Я лично скорбел о закрытии церковью и снятии колоколов, однако с решениями местных властей о закрытии церковью примирялся.

Следователь стоял на своем и на допросе через два дня спрашивал:

– Следствию известно, что вы являетесь активным членом созданной епископом Григорием Козыревым контрреволюционной группировки духовенства, проводившей под благовидными предложениями собрания с контрреволюционными целями. Вы признаете себя виновным?

– Нет, я не признаю себя виновным, ибо я ни в какой контрреволюционной группировке духовенства не состоял и о существовании таковой не знаю.

– Что вам известно об антисоветских выступлениях отдельных членов контрреволюционной группировки на контрреволюционных собраниях духовенства, в частности, о выступлениях диакона Кладовского, бывшего генерала Тюрина и других.

– Лично мне никогда не приходилось быть свидетелем или участником контрреволюционных выступлений и высказываний на собраниях духовенства.

– Почему вы скрыли от следствия тот факт, что в 1934 году вы были под следствием по обвинению в антисоветских разговорах?

– Да, я действительно находился под следствием, но не по делу об антисоветских разговорах, а в связи с арестом и преданием суду Сергия Кордюкова, священника города Бежецка.

– Следствию известно, что вы однажды, спрашивая Василия Покровского о причинах прекращения посещений контрреволюционных собраний духовенства, высказали мысль, не является ли он шпионом НКВД. Вы подтверждаете этот факт?

– Нет, такого разговора у меня с Покровским не было, возможно, я запамятовал.

Заканчивая через несколько дней следствие, следователь еще раз вызвал на допрос священника; на поставленный вопрос, признает ли он себя виновным, о. Иоанн ответил:

– Виновным себя в том, что я состоял в контрреволюционной группировке духовенства и занимался антисоветской агитацией, не признаю. Все мои предыдущие показания считаю правильными и дополнить их чем-либо не могу.

В составленном через два дня обвинительном заключении следователь написал: «...На протяжении ряда лет на территории города Бежецка существовала и проводила свою контрреволюционную и антисоветскую работу группировка церковников... Контрреволюционная группировка церковников путем проведения нелегальных собраний местного духовенства и бывших людей, чтения проповедей и отдельных бесед проводила среди населения контрреволюционную агитацию, направленную на организацию сопротивления населения закрытию церквей и снятию колоколов, срыв коллективизации в районе, распространение провокационных слухов о войне, клевету на сталинскую конституцию и сеяние террористических настроений.

Материалами следствия установлено, что обвиняемый Василевский Иван Николаевич вместе с контрреволюционно настроенным духовенством города Бежецка состоял активным членом контрреволюционной группировки бежецкого духовенства...

Среди населения через проповеди в церквях и беседы проводил антисоветскую агитацию...

Привлеченный в качестве обвиняемого, Василевский Иван Николаевич виновным себя не признал...

Следственное дело по обвинению Василевского Ивана Николаевича направить на рассмотрение Тройки УНКВД по Калининской области...»

Через три недели после последнего допроса, 13 сентября, Тройка НКВД постановила расстрелять священника. Священник Иоанн Василевский был расстрелян 17 сентября 1937 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 177-182